

УДК 130.2+141.78

КОНЦЕПЦИЯ РИЗОМОРФНОГО ЛАБИРИНТА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

О.А. БАРМА

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Рассматривается проблема предметных культурных аппликаций номадологической концепции постмодернизма, в частности номадологическая модель ризоморфных сред, представленных в концепции ризоморфного лабиринта. Внимание акцентируется на переосмыслении феномена лабиринта в контексте постмодернистского понятия «ризома». Высказывается мнение о том, что традиционный (классический) лабиринт как структурированный принцип организации внутреннего пространства теряет свои традиционные характеристики в культуре постмодерна. На смену ему приходит концепт лабиринта-ризома, или ризоморфного лабиринта, сочетающего в своей архитектонике аструктурные, неиерархические принципы организации внутреннего пространства.

Введение. Переход общества от культуры модерна к культуре постмодерна, и в большей степени к культуре пост-постмодерна, знаменуется радикальным отказом от характерных для классической метафизики презумпций – целостности и структурности. Основными характеристиками культуры в постмодернистском контексте являются децентрация и дискретность, потеря смысла всяких бинарных оппозиций и иерархических конструкций, что отражается в полном игнорировании принципов организации целостности структуры, наращивании дезинтеграции и неопределенности, способствующих погружению порядка в хаос. Данные характеристики культуры находят свое выражение в конституировании постмодернизмом понятия «ризома», введенного в научную лексику представителями французской школы философии постмодернизма Ж. Делезом и Ф. Гваттари в совместной работе «*Rhizome*»¹, и в ее предметном воплощении – концепции «лабиринт».

Так, исследователи городского пространства В.Г. Туркина и Ю.А. Разинов используют понятие ризома для изучения феномена города как ризоморфного лабиринта, в котором нельзя выделить пространственные координаты центра и периферии. В.М. Дианова и А.И. Пигалев рассматривают как принципиально аструктурное лабиринтное пространство культуру, находящуюся в постоянной имманентной автохтонной организации своего бытия. Понятие «ризома» У. Эко и В.О. Пелевин используют для построения сюжетного пространства своих произведений, где литературный текст имеет все признаки ризоморфного лабиринта, в котором соединены различные литературные жанры и направления, не имеющие четких границ своего применения: начала и конца.

В западной культуре понятие «ризома» противопоставляется неизменным линейным структурам, пронизывающим всю европейскую историю. Именно концепт лабиринта используется учеными для децентрации линейных процессов не только в академической среде, но и в областях градостроительства (водные каналы Амстердама, линии Парижского метрополитена), информатики (социальные сети, каналы получения и распространения информации в глобальных информационных системах), в архитектурных стилях (динамическая архитектура).

Актуальность теоретического осмысления в русле культуры постмодернизма оснований лабиринта обусловлена его семантической трактовкой как ризоморфного лабиринта, фундаментальным свойством которого является гетерономность при сохранении целостности.

Цель данного исследования заключается в определении мировоззренческих оснований концепции лабиринта на основе принципов построения ризоморфного пространства в культуре постмодерна.

Основная часть. Понятие «ризома», введенное в проблемное поле философии постмодернизма Ж. Делезом и Ф. Гваттари, этимологически происходит из биологической терминологии, где обозначает определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих побегов. Ризома как подземный стебель, отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари, принципиально отличается от корней и корешков. Луковицы, клубни – это ризома. В своей естественной среде она приобретает разнообразные формы, начиная с внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизаций в луковицы и клубни [1, с. 74]. Ризома разрушает представления о четкой и централизованной семантике культурных архетипов и носит релятивный характер описания и изучения, предполагая

¹ По оценке Ж. Делеза и Ф. Гваттар, ризома отличается от любой структуры своей полиморфностью, у нее отсутствует не только единство семантического центра, но и центрирующее единства кода.

корневые основания и качественную определенность, но развитие явлений рассматривается как принципиально вариативное [2, с. 512]. Моделирование различных ситуаций позволяет на теоретическом уровне представить потенциальное вторжение ризомы в уже созданные и функционирующие эволюционные цепочки и тем самым содействовать образованию «поперечных связей, ...порождению несистемных и неожиданных различий» [3, с. 255]. Как отмечает И.П. Ильин, представители философской школы постмодернизма, используя метафору ризомы, попытались дать представление о взаимоотношениях различий как запутанной корневой системе, в которой неразличимы отдельные отростки. Ее побеги и волоски, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой, что якобы «парадигматически соответствует современному положению действительности» [3, с. 254].

По определению М.А. Можейко, под «ризомой» необходимо понимать «фиксацию принципиально аструктурного и нелинейного способа организации целостности, оставляющего открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования» [4, с. 43 – 44]. Ризома представляет собой принципиально открытую среду, в которой из-за отсутствия границ происходит постоянный обмен с окружающей средой, в связи с этим к ризоме невозможно применить четкое дифференцированное разделение внешнего и внутреннего (что соответствует общей постмодернистской установке, выраженной в концепции складки Ж. Делеза). Но все же при всей своей разнородности ризома являет собой целостность, которая, несмотря на постоянное взаимодействие с внешней средой, не растворяется в ней, представляя собой конкретный отдельный объект [5, с. 142].

Делез и Гваттари выделяют шесть основных принципов, свойственных ризоме: принципы связи и гетерогенности, множественности, незначащего разрыва, картографии и декалькомании. Принципы связи и гетерогенности реализуются в том, что любая точка ризомы может быть и должна быть связана со всякой другой, в отличие от дерева или корня, которые фиксируют точку, порядок в целом [1, с. 74]. Такой тип нелинейных связей предполагает иной способ познания и восприятия целостности реципиентом. Данный принцип У. Эко сравнивает с организацией чтения энциклопедии, где отсутствует линейность повествования, которую начинают читать с любого необходимого реципиенту места. В то же время аналитические статьи располагают множественными отсылками (в виде ключевых слов) к другим статьям, тем самым создавая эффект нелинейных связей внутри замкнутого пространства.

Принцип множественности ризомы заключается в отказе от стержня, символизирующего единство, единое. В ризоме нет точек или позиций, которые можно найти в структуре, дереве или корне. Есть только линии, которые определяют процесс движения «развития» ризомы. Ризома может быть сломана, разбита в каком угодно месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям; это четвертый принцип ризомы – принцип незначащего разрыва [1, с. 74]. Такие разрывы могут быть представлены в контексте несовпадения авторского смысла, заложенного в художественном тексте, с его читательской интерпретацией.

Принцип картографии подразумевает под собой радикальный отказ от презумпции наличия какого бы то ни было варианта порождающей модели, якобы детерминирующей собою процесс автохтонной эволюции ризоморфных объектов. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, ризома как таковая «не подчиняется никакой структурной или порождающей модели» [6, с. 357]. Основными презумпциями принципа картографии являются: 1) презумпция отказа от идеи глубины; 2) презумпция множественности состояний; 3) презумпция нелинейности и плюральности; 4) презумпция идиографичности (неповторимости) [6, с. 357 – 358]. Ризому нельзя поместить в какие-то рамки, определить ее координаты и спрогнозировать ее траекторию развития. Она везде, но в то же время ее нельзя определить как часть целого или как само целое. Ризома не поддается сопоставимости.

Декалькированием Ж. Делез и Ф. Гваттари называют антикопирование. По их мнению, ризома боится кальки, так как калька – это репродукция уже известного, данного, упорядоченного. Кальке противопоставляется карта: «Карта открыта, она объединяет все свои измерения, она подвижна, переворачивается, восприимчива к изменениям» [7, с. 17]. По мнению французских философов, калька «опасна», поскольку она стабилизирует, организует, нейтрализует множественности по осям значимости. Калька замкнута сама на себе, без возможности своего раскрытия, в противоположность карте, которая буквально занята движениями, перемещениями. Составлять карту – это пытаться уловить немислимые маршруты, группирующие зачастую разнородные мысли [8, с. 94].

Сущностной характеристикой ризомы является отсутствие пространственных координат в ее измерении: нет ни начала, ни конца, но всегда есть точка, из которой она растет и выступает за свои пределы. Она не начинается и не заканчивается, она всегда в середине, между вещей, между-бытие. «Дерево – это преемственность, а ризома-союз – это только союз. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из союзов «и... и... и». В этом союзе достаточно силы, чтобы надломить и вырвать с корнем глагол быть» [7, с. 30 – 31].

Ризому нельзя рассматривать как хаос, но и нельзя рассматривать как жесткую структуру, подобно кристаллической решетке, незыблемой и (до тех пор, пока объект сохраняет свою качественную самоидентичность) неизменной. Подобное переходное состояние между хаосом и структурой наиболее адекватно может быть передано посредством концепта лабиринта. В своих работах У. Эко характеризует ризому как своеобразный прообраз лабиринта, что, на наш взгляд, позволяет представить концепт лабиринта эмблематической фигурой постмодернизма [9], полностью противоположной концепции лабиринта в классической культуре.

Концепт лабиринта, представленный в классической культуре как физический объект, предполагающий прохождение реципиента от входа к центру и от центра к выходу, что в метафорическом смысле символизирует движение по стволу мирового дерева, символизирует сам образ мира-дерева, где спуск к корням (к центру) мирового древа и восхождение к кроне (к выходу) – путь в «неизвестные глубины» и «не исследуемые выси» – в двузначном символе лабиринта сливаются в одно: движение от краев к центру и обратно [10, с. 278]. Классическому лабиринту противостоит ризоморфный лабиринт, с отсутствием четкой системы координат, со способностью порождать множество различных значений, что способствует широкому вееру интерпретации и понимания, что, по мнению Л.В. Стародубцевой, представляет собой «идею вечного движения: с одной стороны, приближения к центру как к тому «беспредельному пределу» устремлений, к которому можно подступать все ближе и ближе, но с которым невозможно окончательно «совпасть», с другой стороны, – вечного удаления, отодвижения от центра [10, с. 240]. Еще одной существенной характеристикой ризоморфного лабиринта, по мнению Л. В. Стародубцевой, является то, что «ризомат Ж. Делеза и Ф. Гваттари – это лабиринт без цели, бесконечные бессмысленные блуждания в духовных строениях без центра и периферии, без входа и выхода, без начала и конца, скитания во вселенском безграничном лабиринте бесконечных возможностей» [10, с. 283].

По своей природе ризоморфный лабиринт децентрирован и антииерархичен. Нет преобладающих и посредственных в нем топосов, все дорожки, составляющие архитектуру лабиринта, не имеют по отношению друг к другу преимуществ, так же как и нет привилегированных связей между ними, каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой, тем самым образуя новую дорожку, нацеленную на последующее размножение. По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «множества ризоматичны, и они разоблачают древовидные псевдомножества. Нет ни единства, которое следует за стержнем в объекте, ни того, что делится внутри субъекта. У множественности нет ни объекта, ни субъекта, только детерминации, величины, измерения, которые не могут увеличиваться без соответствующего изменения сущности» [7, с. 13]. То есть ризоморфный лабиринт может быть частью другого лабиринта («лабиринт в лабиринте»), выступать как связующее звено в цепи множества лабиринтов, не связанных между собой семантически и/или физически, преобладать над другими лабиринтами, но в то же время быть подчиненным за счет вовлечения в структуру другого лабиринта.

Ризоморфный лабиринт «включает в себя линии членения, по которым он стратифицирован, территориализован, организован, однако линии эти перманентно подвижны и предполагают своего рода разрывы как переходы в состояние, характеризующееся отсутствием жесткой стратификации» [4, с. 44], что заставляет идущего по лабиринту погрузиться в себя, сосредоточиться на своих ощущениях, соразмерить ритм шагов с пространством коридоров и переходов, которые множатся, роятся, создавая ощущения хаоса. В пространстве такого лабиринта невозможно выделить смыслообразующий центр, а следовательно и периферию. Лабиринт, таким образом, не имеет ни начала, ни конца, что определяет собой бесконечное пространство. При этом нет центрального топоса, который задавал бы вектор движения внутри лабиринта, что гарантирует ему динамичность.

Постмодернистский лабиринт включает множественность фальшивых стартов, отступлений, вариаций и повторений, замыкая на себя все выходы из себя: полагая, что направляешься к выходу, углубляешься. Единственное, что есть в лабиринте постоянного – это само движение, блуждание, скитание между абсолютным минимумом ничего и абсолютным максимумом всего. Путешествие по ризоморфному лабиринту – не что иное, как определенный род запутанного пути, беспрестанное блуждание между «центром и разорванной окружностью, между исчезающей точкой и той самой бесконечной сферой существования, центр которой везде, а границы нигде» [10, с. 242].

Для реципиента, осваивающего пространство ризоморфного лабиринта, не существует нормированных правил его преодоления, он вправе сам выбирать, с какой точки ему начинать свой путь, и в каком направлении. Тем самым реципиент образует этим движением потенциально бесконечное количество направлений, что являет собой ситуацию перманентного выбора. Место, откуда он начал свой путь, является для него одновременно и началом, и концом, и серединой пути. Создавая свой маршрут, реципиент руководствуется своими желаниями, не нарушая при этом внутреннее пространство лабиринта. В рамках такого подхода невозможно констатирование финального смысла пути.

Ризоморфный лабиринт не поддается осмыслению, реципиент может начертить карту своего пути, но ее необходимо будет постоянно конструировать, а именно: вновь разбирать, связывать с предыдущи-

ми вариантами, переворачивать, изменять конфигурацию лабиринта, пытаясь выделить множественность входов и выходов, уловить линии ускользания и линии членения.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что переход от культуры постмодерна к культуре пост-постмодерна находит свое выражение в понятии «ризомы», ярким примером которой является концепт ризоморфного лабиринта, сочетающего в своей архитектонике аструктурные, неиерархические принципы организации внутреннего пространства.

Основными характеристиками ризоморфного лабиринта являются:

- отсутствие четкой системы координат;
- способность порождать множество различных значений и сценариев развития событий;
- возможность внутренней самоорганизации за счет внешнего воздействия.

Ризоморфный лабиринт – это сеть бесчисленных входов и выходов, переплетающихся между собой ходов, не являющихся доминантными по отношению друг к другу; он лишен привилегии центра и периферии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стомба, А.С. Уильям Голдинг: поэтика и проблематика «открытого произведения»: моногр. / А.С. Стомба. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2012. – 214 с.
2. Теория культуры: учеб. пособие / под. ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большова. – СПб.: Питер, 2010. – 592 с.
3. Ильин, И. Ризома / И. Ильин // Постмодернизм: словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения): INTRADA, 2001. – С. 254 – 255.
4. Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм / М.А. Можейко; М-во образования Рос Федерации, Смоленский гос. пед. ун-т. – 2-изд., доп. – Смоленск, 2004. – 237 с.
5. Барма, О.А. Ризоморфный лабиринт как форма восприятия библиотеки в творчестве Х.Л. Борхеса / О.А. Барма // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Е. Педагогические науки. – 2012. – № 15 – С. 141 – 144.
6. Можейко, М.А. Картографии принцип / М.А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия; сост.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – С. 357 – 359.
7. Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари; сокр. пер. А. Усмановой // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф.; сост., ред. А.Р. Усманова. – Минск: Красико-Принт, 1996. – С. 6 – 31.
8. Карцев, И.Е. Карта против кальки / И.Е. Карцев // Жиль Делёз: введение в постмодернизм: философия как эстетическая имагинация / И.Е. Карцев. – М.: ОГНИ ТД, 2005. – С. 94 – 95.
9. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Имя розы / У. Эко; предисл. У. Эко; послесл.: Е. Костюкович, Ю. Лотмана. – СПб.: Симпозиум, 1998. – С. 597 – 644.
10. Стародубцева, Л.В. Метафизика лабиринта / Л.В. Стародубцева // Альтернативные миры знания; под ред. В.Н. Паруса, Е.Л. Чертковой; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. – С. 238 – 296.

Поступила 25.03.2013

THE RHIZOMORPH LABYRINTH CONCEPTION IN POSTMODERN CULTURE

O. BARMA

In the article the problem of objective cultural applications of nomadologic postmodern conception is revised, in particular nomadologic model of rhizomorph environments, being given in the Rhizomorph labyrinth conception. The author focuses on re-realizing the Labyrinth phenomenon in the context of the postmodern concept "Rhizome". In his opinion, the traditional (classic) labyrinth, as a structured principle of interior organization, loses its traditional characteristics in postmodern culture. It is being replaced by the Labyrinth-rhizome concept, or Rhizomorph labyrinth, which unites in its architectonics non-structural, non-hierarchical principles of interior organization.